

- коммуникативную – человеческое общение, единение вокруг идеала;
- каноническую и эвристическую – преемственность и открытие, традиции и новаторства;

Третья функция музыкального произведения – фоновно-лечебная – проявляется на уровне подсознательного. Данная функция доступна лишь эмоциональному слушателю (по классификации Т. Адорно). Произведение музыкального искусства, в соответствии с данной позицией, – это фон, который может меняться в зависимости от настроения и самочувствия человека. Оно способно успокаивать и возбуждать.

В рамках этой функции музыка выполняет ряд частных функций:

- компенсаторную – дополняет и расширяет жизнь, выход необузданных желаний, украшение жизни;
- прагматическую – прикладная, утилитарная, практическая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сохор, А. Н. Социальные функции искусства и воспитательная роль музыки / А. Сохор // Вопросы социологии и эстетики музыки: В 3 т. Т. 3. Статьи и исследования. – Л., 1983. – С. 74.
2. Холопова, В. Н. Музыка как вид искусства: В 2 ч. 3-е изд. / В. Н. Холопова. – СПб., 2000.
3. Адорно, Т. Социология музыки / Т. Адорно. – М. – СПб., 1999.
4. Клюев, А. С. Онтологическое изучение музыкального искусства на пороге III тысячелетия / А. С. Клюев // Культура на пороге III тысячелетия: Материалы IV международного семинара в Санкт-Петербурге 30 мая – 3 июня 1997 г. – СПб., 1998. – С. 56-66.

УДК 001:159 923

ЛИЧНОСТЬ УЧЕНОГО: НАРАСТАНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ

И.В. Бусько

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

Цель данной статьи – установление основных факторов, воздействующих на особенности личности ученого в начале двадцать первого века, а также результатов их влияния.

The article is devoted to the reveal of the factors influencing the peculiarities of personality of a scientist in the beginning of XXI century and the results of their influence.

Особенности развития научного познания на современном этапе связаны с проявлением различных противоречий, отражающих как проблемы внутринаучного характера, так и проблемы, проистекающие

из встроенности науки в общество как динамично изменяющуюся систему. Центральным элементом процесса научного познания по-прежнему выступает ученый, личность которого так или иначе отражает разнообразные тенденции и веяния времени. Установление основных факторов, воздействующих на особенности личности ученого в начале двадцать первого века, а также результатов их влияния – цель данной работы.

Специфика научного познания, направленного на получение систематизированного, доказательного, проверяемого знания о различных объектах, изначально обусловила определенные требования к деятельности ученого – ее целям, средствам, нормам, идеалам. Интерес же к личности ученого проявился приблизительно к концу девятнадцатого века, когда возник кризис естествознания, поставивший под вопрос веру в возможности науки и надежность научного познания. Впервые попытку изучения личности ученого осуществили сами ученые, в частности, математик, физик и философ А. Пуанкаре и химик В. Оствальд, хотя последний, следует заметить, в своей работе «Великие люди» исследовал биографии выдающихся ученых по заказу японского правительства, искавшего пути интенсивного развития Японии [1, с.5]. В двадцатом веке личность ученого стала предметом специального изучения психологов и социологов.

Под личностью вообще будем понимать индивида, т.е. представителя человеческого рода, освоившего определенный социальный и культурный опыт и выработавшего в себе определенные социальные и культурные качества, позволяющие ему выступать в роли субъекта, т.е. деятельного и ответственного существа. Понятие ученого же имеет большой ряд важных признаков. Ученый – это человек, обладающий специальной профессиональной подготовкой и владеющий специальными навыками и приемами исследовательской деятельности (теоретической или эмпирической). Именующиеся знания и свои познавательные способности ученый использует для дальнейшего расширения сферы научного познания, ориентируясь на получение объективного и достоверного знания. Важными мотивами в деятельности ученого являются стремления получить признание со стороны научного сообщества (которое только и может адекватно оценить результаты труда ученого). Кратко и емко требования к деятельности ученых, вошедшие в историю под названием «научного этоса», обобщил американский социолог Р. Мертон. Он выделил следующие основные нормы труда ученых: объективность, универсализм, организованный скептицизм, незаинтересованность

(бескорыстие) и коммунизм (научное знание принадлежит всем). Ряд авторов подчеркивали, что ориентация ученых на других, а не на себя, отсутствие частной собственности на открытие превращают науку в особую сферу, выпадающую из капиталистической и либеральной традиции. В целом, необходимые черты личности ученого скорее выражаются категорией должного – того, что предписывается ученому научным сообществом и обществом в целом. Что же касается сущего, реального, то оно характеризуется достаточным разнообразием тех свойств и особенностей, которые присущи представителям сообщества ученых и могут вступать в острое противоречие с этосом науки. Таким образом, в личности ученого всегда возможен разрыв, несоответствие между должным и сущим, желаемым и действительным. Такой разрыв может осознаваться самим ученым, переживаться изнутри как расхождение между идеалами науки и своим реальным поведением, сопровождаться чувствами раздвоенности и неудовлетворенности, а может оставаться неосознанным. Несоответствие идеала и реальности в деятельности ученого может фиксироваться и извне, прежде всего самим научным сообществом или же обществом в широком смысле слова.

По мере развития науки менялись и роль ученого в обществе, и его статус. В XVII - XIX вв. деятельность ученого оформляется в качестве профессиональной, появляются первые институты науки. Уже в это время научная деятельность перестает быть делом ученых-одиночек, начинает постепенно приобретать коллективный характер, формируется система научных коммуникаций, закладываются основные требования к деятельности ученого. На этом этапе наука выполняет мировоззренческую функцию, а ученый рассматривается обществом не столько как профессионал, компетентный в определенной узкой сфере, сколько как просветитель, борец с невежеством. Возможно, именно в это время наука была как никогда более «территорией свободы»: сфера научного интереса, его глубина и цели максимально определялись самим ученым, соответствовали личностной мотивации.

Позднее, во второй половине XIX в., достижения науки начинают активно использоваться в производстве, нарастает специализация науки, выделяются не только основные научные дисциплины, но и технические, и гуманитарные науки. В условиях зрелого капитализма, а в XX веке в контексте острой социальной конкуренции капитализма и социализма, труд ученого вызывает повышенное внимание со стороны общества, приобретает довольно высокий, иногда доходный

до романтизации статус. Рамки личности ученого в значительной степени очерчивает научное сообщество, его нормы и стандарты.

В то же время усиливается зависимость деятельности ученых не только от логики развития самой науки, но и от общества, социальных ценностей и предпочтений. Чем более затратными становятся научные изыскания, чем больше усиливается коллективность научного поиска, тем больше направления научных исследований определяются не столько личностными интересами и спонтанным научно-исследовательским любопытством, сколько политическими и финансовыми запросами заказчика – государства или частного бизнеса. Это выражалось и выражается, например, в приоритетности научных исследований, направленных на развитие военно-промышленного комплекса. В последнее время это порождает и усиление разрыва между поддержкой фундаментальных и прикладных исследований в пользу последних, искусственно занижая возможности самореализации потенциальных крупных ученых-теоретиков. Таким образом, наука и личность ученого в той или иной степени политизируются, попадают в зависимость от господствующих ценностей, целей политической власти и механизмов управления. Примеры сопротивления ученых таким процессам, конечно, можно привести: это и воздержание Нильса Бора от участия в разработке атомного проекта, и отказ П.Капицы от подобных исследований в Советском Союзе, но таких примеров не так и много. В большинстве же своем ученые активно способствуют разработке новых видов оружия – как ядерного, так и химического, биологического, психотронного, – с воодушевлением пускаются в потенциально рискованные для человечества эксперименты в области биотехнологий и геномной инженерии. В рамках тенденции политизации науки приходится оценивать закрытие почти всех кафедр славистики (не «советологии»!) в университетах Западной Европы после падения Советского Союза, а на постсоветском пространстве – «крестовый поход» гуманитариев против марксизма. При этом критикующие марксизм историки в массе своей остаются «бессознательными» марксистами, придерживающимися идей прогресса, линейности истории и экономикоцентризма, а отвергающие марксизм экономисты-адепты капитализма и рыночной идеологии лишают себя возможности глубокого анализа закономерностей и возможных сценариев развития современного общества. По причинам пусть не всегда явной политизации науки и карьерного прагматизма молодые ученые по-прежнему оперируют понятиями «проходной», «диссертательной» темы исследований, не всегда реализуя собственные склонности и

идеалы служения истине. Конечно, и в таких условиях находятся смельчаки, способные заниматься наукой ради науки, – такого рода примером можно считать «феномен Перельмана», не вписавшегося ни в советскую, ни в американскую системы организованной науки, и на свой страх и риск занимавшегося долгие годы работой над желаемой проблемой.

Наращение специализации и коллективного характера научной деятельности привело к ограничению универсальности личности ученого в двух отношениях. Во-первых, становится редкостью или даже исчезает не только тип ученого-энциклопедиста, какими были М. Ломоносов или Р. Декарт, но и тип ученого-специалиста, имевшего широчайший диапазон интересов в рамках определенной предметной области, таких как В. Вернадский, И. Курчатов и др. Становится все больше узких специалистов, происходит сужение творческих горизонтов человека науки. Во-вторых, в рамках исследовательских групп, которые все чаще выступают основными субъектами научного познания, необходимым становится распределение ролей, важнейшими из которых являются «генератор идей», «критик», «эрудит» и др., ранее совмещавшихся в личности одного ученого.

Наиболее острые разрывы в личности ученого порождают противоречия между свойственным современной эпохе культом обогащения, наживы и предъявляемым ученому требованием бескорыстного служения истине. Некоторые талантливые исследователи переходят в более доходные сферы деятельности, есть и такие, кто способствует дальнейшей дегуманизации общества, разрабатывая рецепты новых синтетических наркотиков, совершенствуя технологии манипуляции массовым сознанием, проводя опыты по клонированию человека в подпольных лабораториях.

Из «территории свободы» наука рискует превратиться в «поле выпаса интеллектуалов», «резервацию интеллектуального обслуживания». Конечно, в сфере науки по-прежнему встречается тип подлинного ученого, который «осознает свое участие и ответственность за все, что с ним происходит (и, кстати, не только с ним, но и с наукой в целом), и пытается активно способствовать или противодействовать внешним обстоятельствам, планировать и ставить цели жизни, изменять ради их достижения окружение и себя самого» [2]. В то же время преобладает ученый, который, реализуя свои способности к научному поиску, придерживаясь внутринаучных норм исследовательской деятельности, воздерживаясь от плагата и прочих видов нарушения этики науки, не задумывается о последствиях возможных открытий, о деформирующем влиянии доминирующих

ценностей на направленность своего научного поиска, о своей зависимости если не от конкретной политической идеологии, то от тотальной власти духа «деньгизма». Но к наиболее удручающим последствиям науку ведет массовизация профессии ученых: возникает феномен маскарадного деятеля в науке: человек случайно идет в науку (на Западе и у нас причины такой случайности могут быть разными: от «наука – это престижно» до «родители посоветовали», «на производстве труднее», «если не в аспирантуру – то в армию», но суть проблемы это не меняет), берется за разработку случайной темы («научный руководитель сформулировал», «на кафедре предложили», «с этой темой скорее защитишься»), не имея зачастую ни необходимых способностей, ни, что гораздо важнее, мотивации научной деятельности, в том числе и стремления придерживаться внутринаучных запретов на компиляцию, плагиат и т.п.. Впоследствии такой человек в основном имитирует исследовательскую активность, иногда вполне успешно: ее фиктивность не бросается в глаза на фоне массовизации науки и нарастания формальности в оценке научно-исследовательской деятельности. В результате возникает «порочный круг»: снижаются возможности научного сообщества к противодействию негативным явлениям.

Таким образом, основными факторами, деформирующими личность ученого в современном обществе, являются господствующая система ценностей, в частности, ценности материального успеха, и массовизация профессии ученого. Результатами влияния этих факторов становится нарастание разрыва между «этосом науки» и все чаще противоречащими ему реальными характеристиками личности ученого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллахвердян, А.Г. Психология науки / А.Г.Аллахвердян, Г. Ю. Мошкова, А. В. Юревич, М. Г. Ярошевский. – М., 1998 .
2. Мошкова, Г.Ю. Биографический метод и проблема психологии личности ученого/Г.Ю.Мошкова//<http://library.by/portalus/modules/psychology/print.php?subaction>